

ЧИТАЙТЕ РОМАНЫ
Настя Орловой:

На моих условиях

Выбираю тебя

Пролог

День клонится к закату. На город опускается теплая летняя ночь. Спасаясь от духоты, выхожу из переполненного банкетного зала на пустую террасу, увитую плющом и декоративным виноградом. Жадно вдыхаю полной грудью воздух, насыщенный ароматом цветущих кустарников и речной сырости, и запрокидываю голову, чтобы найти на небе первую звезду, которая зажглась на востоке. Моя лучшая подруга, увлеченная в последнее время астрологией, накануне сказала обязательно загадать на нее желание. И сейчас я, прикрыв глаза, шепчу про себя заветные слова, отпуская их во вселенную.

Впервые за долгое время на душе у меня легко и спокойно. Все же мама была права: та нервозность, которую я испытывала в последние дни, связана с окончанием школы, а не с какими-то тревожными событиями, которые должны произойти. А я себя так накрутила —

вчера даже заснуть не смогла, до рассвета мучаясь предчувствием надвигающейся катастрофы. Хорошо, что сейчас все позади.

Облокотившись на мраморные перила, опоясывающие террасу, бесцельно всматриваюсь в сгущающиеся сумерки. Губы растягиваются в улыбке, стоит мне уловить приглушенные звуки живой музыки, доносящиеся из зала. Когда я выходила на улицу, на сцене готовилась к выступлению популярная кавер-группа, и уже по первым аккордам я слышу, что ребята начинают свою музыкальную программу с классической баллады, в моей душе тесно связанной с родителями и тридцатилетним юбилеем их свадьбы. Со дня того пышного праздника прошло уже несколько месяцев, а я до сих пор помню выражение лиц родителей, когда они кружились в танце, — влюбленное, счастливое, заставляющее меня мечтать о том, что однажды и я встречу человека, который будет смотреть на меня так, как папа смотрит на маму...

Погрузившись в приятные воспоминания, упускаю момент, когда на террасе появляется кто-то еще. Услышав за спиной приближающиеся шаги, оборачиваюсь, уверенная, что увижу кого-нибудь из школы, но темная широкоплечая фигура, которая движется по направлению ко мне, не имеет ничего общего ни с одним из моих одноклассников.

Растерявшись, настороженно слежу за тем, как приближается человек, который нарушил мое уединение, и поражаюсь собственным реакциям: тому, как перехватывает дыхание, как по рукам рассыпаются мурашки, а вдоль позвоночника пробегают холодоки.

Опасность. Это та самая неясная опасность, которую я подсознательно ждала все последнее время. Она меня настигла. Вот и не верь после этого в предчувствие.

Под аккомпанемент лихорадочного стука сердца, которому вдруг стало тесно в груди, крепче стискиваю пальцами прохладные перила за спиной. В затуманенном шоке сознания мелькает мысль, что пара глотков шампанского, тайком пронесенного на вечеринку приятелем из параллельного класса, были лишними, но в следующий миг незнакомец вступает в треугольник света, исходящий от тусклого фонаря над террасой, и мне наконец удается как следует разглядеть его.

Невероятно.

Я шумно выдыхаю, затем судорожно хватаю ртом воздух, отчетливо понимая, что в моем состоянии алкоголь совершенно ни при чем, а тревога, все это время владевшая мной, абсолютно оправдана. Потому что в нескольких шагах от меня останавливается Александр Ди Анджело. Человек, которого я ненавижу, чтобы жить, и живу, чтобы ненавидеть.

Наши с ним пути не пересекались почти три года. И я бы предпочла не видеть его еще столько же — настолько болезненной была наша последняя встреча. Долгие месяцы после нее я, еще совсем девчонка, просыпалась в слезах. Ночь за ночью в кошмарных снах меня преследовало искаженное ненавистью лицо. И, несмотря на то что ярость этого человека никогда не была обращена на меня, всякий раз, когда воспоминания о том ужасном вечере проникали в мои сны, тело охватывал озноб, а сердце заходило от страха.

Я знала, что после того случая Александр уехал из города, но долго не могла обрести покой. Я опасалась за жизнь брата, переживала за благополучие родителей, даже за себя мне было страшно, но дни шли за днями, недели складывались в месяцы, и, когда стало понятно, что Ди Анджело в обозримом будущем не вернется в наш город, тревога понемногу отошла на второй план, позволив мне жить и двигаться дальше. За эти годы я научилась не искать в интернете его фотографии, не следить за его социальными сетями и честно старалась выбросить любые воспоминания о нем из головы, но вскоре была вынуждена признать, что принцип «с глаз долой — из сердца вон» так и не сработал в отношении Александра Ди Анджело.

Где-то на уровне подсознания я всегда знала, что когда-нибудь увижу его снова. Боялась

этого? Стыдно признаться, да. Но подготовить себя к возможной встрече так и не смогла, наивно полагая, что у меня в запасе еще есть время. И вот этот момент настал, Алекс снова рядом: такой же надменный, такой же опасный, такой же неотразимый, как я помнила. О, нет, он стал даже лучше, чем я помнила.

При мысли о том, насколько привлекательным я все еще нахожу этого человека, кровь стыдливо опалает мои щеки, а ладони предательски потеют. Немыслимо! Три года назад я была четырнадцатилетним ребенком, и Александр объяснимо внушал мне благоговение и страх, но я давно выросла. И много раз обещала себе, что, когда мы встретимся вновь, я не стану бояться. С этой мыслью я вздергиваю подбородок и, отбросив сомнения, бесстрашно встречаю его сверкающий в темноте взгляд.

— Ты заблудился? — бросаю дерзко, не дожидаясь, когда Ди Анджеоло начнет разговор.

— Вовсе нет. — Он сдержанно улыбается и делает еще один шаг навстречу.

— Я тебе не рада.

— А с чего ты взяла, что я здесь из-за тебя? — уточняет Алекс. Его улыбка становится чуть шире, а лицо, непроницаемое еще мгновение назад, приобретает насмешливое выражение.

Поделом мне, думаю я, проклиная свою несдержанность. Пусть я не могу найти ни од-

ной разумной причины, почему Александр Ди Анджело оказался на выпускном вечере моего класса, это не значит, что ее нет. Как глупо с моей стороны, не разобравшись, принять его появление на свой счет и тем самым подставить себя под этот унижительный удар... Надо было сделать вид, что я его не узнала, и просто пройти мимо!

— Ты забавная, Лиля, — вдруг заявляет Алекс, усмехнувшись. — Разумеется, я пришел к тебе.

— Зачем? — уточняю настороженно.

— Не мог пропустить твое прощание с детством.

— С чего бы это?

— Банальное любопытство, — пожимает он плечами. — Ты больше не ребенок, а мне всегда было интересно, какой ты станешь, когда вырастешь. Могу сказать откровенно: увиденное меня не разочаровало.

Задохнувшись от возмущения, я делаю судорожную попытку разгадать скрытый подтекст в его словах. Он есть, я это чувствую, но совершенно исключено, что я правильно его уловила. Алекс мной интересуется? Это еще более невероятно, чем его появление здесь!

— Прости?

— Ты слышала, — отрезает он, явно не желая повторяться.

Что-то в его жестком тоне, приправленном бархатной модуляцией голоса, усиливает тревожность в моей душе, но вместе с тем находит совершенно неожиданный чувственный отклик в моем теле.

— Твой отец не научил тебя хорошим манерам? — срывающимся голосом произношу я, чтобы замаскировать собственную слабость. — Или в твоей семье принято вести себя по-хамски?

— Ди Анжело — потомки древнейшего итальянского рода, — напоминает Алекс, окинув меня высокомерным взглядом. — То, что мама из простой русской семьи, не меняет этого факта моей родословной.

— Мне приседать в реверансе всякий раз, как ты оказываешься на моем пути? — интересуюсь запальчиво.

На этот раз он не улыбается — он смеется, слегка запрокинув голову и обнажив ряд белых зубов с небольшими клыками по бокам, а потом вдруг протягивает руку и в мимолетном жесте касается моей щеки.

— Немного почтения бы не помешало, — заявляет неожиданно серьезным тоном, который никак не вяжется с улыбкой, все еще заметной на его лице.

— В твоих мечтах! — выкрикиваю я громче, чем следует.

Ничего не могу поделаться: сейчас я абсолютно собой не владею, и для этого Алексу оказалось достаточно просто ко мне прикоснуться! И хотя его рука уже давно спрятана в кармане брюк, я все еще ощущаю покалывание в том месте, где его пальцы оставили незримый отпечаток на моей щеке.

— Красивое платье, — замечает Алекс, внезапно меняя тему беседы.

Не переставая улыбаться, он с нескрываемым интересом разглядывает меня. Его глаза с оскорбительной неспешностью скользят по моей фигуре, лениво, осторожно, будто уступая необходимости, которой он бы предпочел пренебречь. Вот взгляд задерживается на талии, потом поднимается к груди и медленно скользит вверх к шее, на которой отчаянно пульсирует голубая жилка. Так глупо, но я почти физически ощущаю на себе тяжесть этого взгляда. Становится трудно дышать. Грудь сдавливает, а сердце трепещет, как птица, пойманная в силки.

Инстинктивно делаю шаг назад, потом еще один, пока моя спина не оказывается прижатой к каменной стене, но Алекс не спешит приближаться. Он продолжает рассматривать меня с легкой полуулыбкой, которая может выражать что угодно: интерес, презрение, насмешку и даже абсолютное безразличие.

Я точно знаю, что хочу уйти, но ноги словно прирастают к полу. Наверное, именно так чувствует себя несчастный зверь, загипнотизированный светом фар на дороге. Все, что я могу, — разорвать зрительный контакт, но в конце концов и это оказывается ошибкой, потому что мой взгляд останавливается на его губах. Четко очерченных, чувственных, в меру пухлых... Мужчина просто не должен быть обладателем таких губ, потому что один взгляд на них провоцирует в воображении волну непристойностей, которые в данных обстоятельствах только усиливают мой страх и смущение.

Сбитая с толку направлением, которое приняли мои мысли, я не замечаю, как Алекс сокращает дистанцию, заключая меня в ловушку между стеной и своим телом. Наши взгляды встречаются, и в темных бездонных глазах я вижу отражение собственного лица. В попытке отстраниться поднимаю руки, но уже в следующий миг ощущаю, как ладони прижимаются к твердой мускулистой груди, обтянутой шелковой рубашкой. Рука Алекса обхватывает мой затылок, пальцы путаются в распущенных волосах, и я вдруг понимаю, что из этого тесного объятия мне не выбраться самостоятельно. Я все же делаю еще одну отчаянную попытку уклониться, но он только еще ниже

опускает темноволосую голову. На выдохе с трудом произношу его имя. Слабый звук поглощают губы, оказавшиеся в опасной близости от моего рта.

А потом он целует меня.

Целует, да. Только на самом деле это не поцелуй. Меня целовали раньше, но этот... этот акт не имеет ничего общего с поцелуем, несмотря на то что наши губы встречаются, а его язык бесстыдно врывается в мой рот. То, что делает со мной Алекс, похоже на поглощение, на завоевание и покорение, но только не на банальный поцелуй.

Я настолько обескуражена, что мне даже в голову не приходит остановить его. Оттолкнуть его, закричать или позвать на помощь. Окружающий мир рассыпается в пепел. Земля соскакивает со своей оси, звезды гаснут. Ноги больше не держат меня, и только стена, к которой прижимается моя спина, и сильные пальцы, крепко сжимающие мой затылок, здесь и сейчас спасают меня от падения.

Неожиданно на террасе раздаются громкие голоса, слышится звук шагов и цокот каблучков по кафелю. Алекс глухо ругается и стремительно отстраняется от меня.

— Добро пожаловать во взрослый мир, — успеваешь шепнуть он в мои раскрытые губы, все еще хранящие вкус и тепло его поцелуя.

Стайка одноклассников проносится мимо и скрывается в укромном алькове на противоположной стороне террасы. Меня никто не видит, но в тот момент это не имеет никакого значения. Мои щеки горят от стыда и другого неясного чувства, будоражащего кровь, глаза наполнены слезами унижения и обиды, сердце неистовствует в груди.

— Я тебя ненавижу, — выдыхаю сипло и, оттолкнувшись от стены, бегу прочь, мысленно посылая во вселенную новую мечту — больше никогда не встречать Александра Ди Анджело на своем пути.

Глава 1

Три года спустя

В жизни есть события, с которыми невозможно смириться: смерть близких — одно из них. Сегодня утром на моих глазах похоронили маму и папу, но я так и не сумела осознать и принять того, что с ними произошло.

Так странно, лишь одно короткое мгновение отделяет жизнь от смерти. Доля секунды, в которую что-то может пойти иначе. Мелочь. Другой сигнал светофора. Предупреждающий знак на дороге. Неторопливый пешеход, которого пропускаешь на переходе. Секундная заминка — спасение. Но все идет согласно роковому плану: пьяный водитель выводит свой автомобиль на встречную полосу, чтобы произошла фатальная встреча со смертью. Столкновение, вспышка, конец. Криминалисты сказали, что родители погибли мгновенно, не успев ничего почувствовать. Наверное, вера в это — единственное, на чем я держусь.

Я почти не помню, как прожила несколько дней, прошедших с того злополучного звонка,

разделившего жизнь на до и после. Знаю, что дядя занимался формальностями с похоронами, брат беспробудно пил, бабушка плакала, но и под пытками не смогу вспомнить, что делала в это время я. С того момента, как на пороге дома возникли полицейские, я словно провалилась в бездонную кроличью нору, из которой не могла выбраться до сих пор.

За церемонией прощания с самыми дорогими мне людьми я наблюдала с холодной отстраненностью, граничащей с безразличием. Слово все это было понарошку и происходило не со мной. Мой мозг отказывался признавать тот факт, что мама больше никогда не обнимет меня, а папа не ободрит в дни неудачи. Что никто из них уже никогда не протянет мне руку, чтобы утешить, не скажет строго, чтобы я взялась за ум, не взъерошит волосы, не улыбнется, не подарит тепло и любовь, безусловную и вечную. В тот последний раз, когда я держала их ладони в своих, они уже были чужими. Холодными. Безразличными. Не моими.

Больше всего на свете мне хочется заползти в какой-нибудь темный угол и забыть произошедшее, как страшный сон, но это невозможно. Люди, которые совсем скоро придут на провода, должны увидеть наследников семьи Валиевых, даже в скорби сохраняющих свое достоинство. Поскольку я не уверена, что литры выпитого за

последние дни спиртного не свалят моего единственного брата Кирилла с ног, я не могу позволить себе дать слабину. Ради памяти родителей я выдержу все, даже если это станет завершающим актом моей собственной жизни.

С трудом передвигая ноги, поднимаюсь по лестнице на второй этаж. Силы на исходе, но у меня есть пять драгоценных минут в уединении своей комнаты, чтобы сходить в туалет и собраться. Совсем скоро в дом потянутся люди, чтобы почтить память моих родителей. Встретить их — мой долг, пренебречь которым я не могу.

Бесшумно прикрываю за собой дверь и обеспокоенно прислоняюсь спиной к гладкой деревянной поверхности. Ощущение такое, будто за последние дни я постарела на сто лет. Приподняв руки, осторожно массирую ноющую шею и забитые мышцы плеч. Касаюсь ладонями щек. Они холодные и чуть шершавые от слез, которые давно высохли, оставив после себя лишь соленые дорожки на коже.

Через всю комнату смотрю на себя в зеркало. В отражении не я — там измученная незнакомка в черном, с потухшими глазами и серого цвета лицом. Приглаживаю ей волосы, стряхиваю невидимые пылинки с брюк и водолазки, делаю глубокий вдох и медленный выдох, как учила мама. В глазах предательски щиплет, но я не